

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

К 60-летию со дня рождения автора

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ

**КУЛЬТУРА:
ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ**

**Москва
НАУКА
2014**

ДМИТРИЙ ЛИХАЧЕВ — ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ КУЛЬТУРОЛОГ*

Представление об академике Д. С. Лихачеве только как о «литературоведе и общественном деятеле», содержащееся в отечественных энциклопедиях XX века, сегодня оказывается неоправданно узким.

Дмитрий Сергеевич Лихачев являл собой фактически забытый к XX веку тип ученого-энциклопедиста, продуктивно работавшего практически во всех областях гуманитарного знания: литературоведение и искусствоведение, этика и эстетика, краеведение и педагогика... Труды ученого сегодня представляют широкий фронт исследований для философов и специалистов по методологии науки. Однако наибольшее внимание привлекают его достижения в теории и истории культуры.

Внимание ученого охватывало на первый взгляд совершенно разные предметы и явления: древние рукописи и творчество Достоевского, работы Андрея Рублева и проблемы школьного образования, принятие Россией христианства и тюремный жаргон, архитектуру Петербурга и диалектику Добра и Зла... В науках социально-гуманитарного профиля принадлежность исследователя к той или иной научной дисциплине определяется не столько материалом анализа, сколько методом исследования. Например, один и тот же художественный текст может быть рассмотрен литературоведением, лингвистикой, психологией, историей, социологией и т. д. С середины XX века Д. С. Лихачев исследует культуру. И чаще всего — методами культурологии.

Именно культура, по глубокому убеждению академика, составляет главный смысл и главную ценность существования как народов, так и государств. И смысл жизни на индивидуальном, личностном уровне, по Лихачеву, также обретается в культурном контексте человеческой деятельности. Культура — основа самоидентификации нации. Характерно выступление Д. С. Лихачева на заседании Президиума Российского фонда культуры в 1992 году: «У нас нет культурной программы. Есть экономическая, военная, а вот культурной нет. Хотя культуре принадлежит первенствующее место в жизни народа и государства».

* Доклад на заседании Отделения историко-филологических наук РАН, посвященном 100-летию Д. С. Лихачева, 20 декабря 2006 г. Печатается по «Трудам Отделения историко-филологических наук. 2007» (2009): см. № 154 Библиографического указателя.

Дмитрий Сергеевич стал создателем собственной теории культуры. Скажем сразу: речь идет не об учреждениях культуры или культуре поведения, быта, отдельно взятых. Ученый придерживается классического понимания культуры как всего, что создано руками и разумом человека. Принципиально важно, что в его видении культура исторична и целостна.

НОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИИ

В первую очередь внимание привлекает яркая и перспективная концепция российской истории, предложенная академиком. Известно, что наше будущее можно рассматривать как некий культурный проект, созданный нашим прошлым. Ни государство, ни народ, ни отдельный взрослый человек не могут начать жизнь заново, с «чистого листа». В связи с этим возможность управлять будущим ограничена рамками предшествующей культуры. Но история не только задает границы возможного, но и содержит указания на наиболее перспективные пути развития.

Школьные учебники чаще всего представляют нам прошлое человечества как череду убийственных войн, захватов чужих территорий и прочих «подвигов» царей и полководцев, как смены экономических формаций, водовороты политических течений. О созидательных достижениях человеческого гения в них сообщается как бы между делом, скороговоркой. Лихачев же, наоборот, видит историю человечества в основном как историю культуры. Можно сказать, что ученый предлагает культуроцентричную концепцию истории.

Сегодня многие спорят о том, что представляет собой Россия: часть Европы, соединение европейского и азиатского начал (Евразию) или совершенно уникальное, самобытное явление. Дмитрий Сергеевич утверждает, что Россия, по существу, — самая европейская часть Европы, и очень логично на конкретных и весьма впечатляющих фактах это обосновывает. Полемизируя с иными точками зрения, он пишет: «Россия имела чрезвычайно мало собственного восточного. С юга, из Византии и Болгарии, пришла на Русь духовная европейская культура, а с севера — другая — языческая дружинно-княжеская военная культура Скандинавии. Русь естественнее было бы назвать Скандовизантией, нежели Евразией».

Прослеживая генезис культуры Древней Руси, Лихачев считает особо важным приобщение славян к христианству. Не отрицая монголо-татарского влияния, ученый тем не менее характеризует его как чуждое, в целом отвергнутое. Русь восприняла нашествие как катастрофу, как «вторжение потусторонних сил, нечто невиданное и непонятное». Более того, длительный период после освобождения от монголо-татар развитие русского этноса происходило под знаком преодоления «темных веков ига» чуждой культуры.

Рассматривая Россию в мощном потоке мирового процесса развития цивилизаций, Д. С. Лихачев неизменно отрицает любую попытку говорить о русско-славянской исключительности. В его понимании русская культура всегда была по своему типу европейской и несла в себе все три отличительные особенности, связанные с христианством: личностное начало, восприимчивость к другим культурам (универсализм) и стремление к свободе. При этом важной особенностью русской культуры является ее специфическая соборность, по мнению Лихачева, углубляющая одно из начал, характерных для культуры европейской. В числе отличительных особенностей Дмитрий Сергеевич упоминает устремленность в будущее и традиционную «неудовлетворенность собой» — важные источники движения вперед. Четко определяя суть русской национальной самобытности, ученый считает, что наши национальные черты, особенности и традиции сложились под влиянием более широкого европейского культурного комплекса — как бы «на пути из варяг в греки».

Особое внимание Д. С. Лихачев уделяет узловым, переломным моментам истории Отечества, к примеру, специфике XIV–XV веков, определяемой им понятием Предвозрождения. В его трудах показано, как в это время происходит сложение русской национальной культуры: крепнет единство русского языка, литература подчиняется теме государственного строительства, архитектура все сильнее выражает национальное своеобразие, распространение исторических знаний и интерес к родной истории возрастают до широчайших размеров и т. д. В момент своего становления на общенациональном уровне русская культура несет в себе, с одной стороны, черты уравновешенной, уверенной в себе древней культуры, опирающейся на сложную культуру старого Киева и старого Владимира, с другой — в ней явно сказывается органическая связь с восточноевропейской культурой. В высших своих проявлениях памятники русской культуры позволяют сегодня говорить о внимании к личности, человеческом достоинстве, высоком гуманизме и других чертах, определяющих принадлежность Руси к общеевропейскому культурному комплексу.

Ну и, наконец, самый широкий контекст, в котором Дмитрий Сергеевич рассматривает нашу культуру, — глобальный. Отправной точкой для анализа он избирает первое большое историческое сочинение «Повесть временных лет» (XI в.). Варяги на севере, греки на берегах Черного моря, хазары, среди которых были и христиане, и иудеи, и магометане; тесные отношения Руси с финно-угорскими и литовскими племенами — чудью, мерей, весью, ижорой, мордвой, коми-зырянами — и государство Русь, и его окружение с самого начала были многонациональными. В результате самая характерная черта русской культуры, проходящая через всю ее тысячелетнюю историю, — вселенскость, универсализм. И в этом плане Россия — самая европейская страна Европы.

ОБ ИВАНЕ ГРОЗНОМ И ПЕТРЕ I

В общем потоке культурных трансформаций академик выделяет доминантой вопрос об историческом отборе и развитии всего самого лучшего. А лучшее для него — почти синоним гуманного. В итоге Лихачев создает подлинно гуманистическую концепцию исторического развития. Соответственно оценивает он и отдельных исторических деятелей — не по успехам в войнах и захватах территорий, а по влиянию на развитие культуры. Так, оценка личности и деятельности Ивана Грозного носит у Д. С. Лихачева негативный характер, несмотря на признание несомненных талантов царя, в том числе литературных: «Государство взяло на себя решение всех этических вопросов за своих граждан. Грозный залил страну кровью во имя соблюдения этических норм или того, что ему казалось этическими нормами». Именно политический террор Ивана Грозного, по убеждению Д. С. Лихачева, способствовал подавлению личностного начала в художественном творчестве и стал одной из причин, воспрепятствовавших расцвету Возрождения в России.

Еще один важный момент отечественной истории — Петровские реформы. Дмитрий Сергеевич считает общепринятую их трактовку — как культурный переход державы из Азии в Европу, совершенный по воле ее властителя, — одним из удивительнейших мифов, созданных самим Петром. Лихачев утверждает, что к приходу Петра на царствование страна и была европейской, только в ней назрел переход от средневековой культуры к культуре Нового времени, что и осуществил великий реформатор. Однако для проведения в жизнь преобразований Петру потребовалось совершенно исказить представления о предшествующей русской истории: «Раз необходимо было большее сближение с Европой, значит, надо было утверждать, что Россия была совершенно отгорожена от Европы. Раз надо было быстрее двигаться вперед, значит, необходимо было создать миф о России костной, малоподвижной и т. д. Раз нужна была новая культура, значит, старая никуда не годилась. Как это часто случалось в русской жизни, для движения вперед требовался основательный удар по всему старому. И это удалось сделать с такой энергией, что вся семивековая русская история была отвергнута и оклеветана».

Гений Петра проявляется чуть ли не в первую очередь в радикальном и стремительном изменении общественного мнения: «Он умел придавать демонстративный характер всему тому, что делал. Ему, бесспорно, принадлежит смена всей “знаковой системы” Древней Руси. Он передел армию, он передел народ, сменил столицу, демонстративно перенес ее на Запад, сменил церковно-славянский шрифт на гражданский». Д. С. Лихачев полагает, что в основе этих действий лежали не капризы и самодурство царя и не страсть к подражанию, а стремление ускорить происходящие явления в культуре, придать медленно происходившим процессам сознательное направление. Без Петра на аналогичные

реформы России понадобилось бы семь поколений. Однако реформы были закономерны, и их ход был подготовлен «всеми линиями развития русской культуры, многие из которых восходят еще к XIV веку».

Особое внимание в трудах Дмитрия Лихачева занимает культурологическое исследование Санкт-Петербурга. Его выводы и здесь проливают свет на многое. Ученый выделяет характерные только для Петербурга черты, свойственные всем векам его существования. Это прежде всего органическое сочетание передовых европейских и лучших специфически русских черт культуры. Не случайно именно в Петербурге появился, получил развитие и особый, в ряде отношений высший «продукт» мировой культуры — интеллигенция. По мысли Лихачева, это одна из вершин развития европейской духовной традиции, явление, сформировавшееся на российской почве закономерным образом. Формирование подобного слоя людей может быть расценено как высшее гуманитарное достижение России, своего рода торжество человеческого духа, лежащее в русле европейской (христианской) традиции.

Согласно определению, выработанному в наших университетских дискуссиях при активном участии академика, интеллигент — это образованный человек с обостренным чувством совестливости, обладающий к тому же интеллектуальной независимостью.

Интеллигент руководствуется интересами народа, а не власти. В дореволюционном Петербурге интеллигенция самопроизвольно, понародному, «снизу» объединялась в «общества и сообщества», «общественные формирования», где собирались люди, объединенные специальностью, умственными или мировоззренческими интересами. Развитая система таких независимых от государства групп граждан формировала общественное мнение — орудие не менее мощное, чем политическая власть.

Для интеллигенции именно мораль как синтез личного и общественного есть единственная власть, которая не лишает человека свободы. Именно совесть и является истинной гарантией свободы. Воля и мораль создают стержень человека — его личность. Именно поэтому «самое большое сопротивление злым идеям всегда оказывает личность».

Таким образом, великие начинания Петра по преодолению отсталости от Запада в сферах науки и образования завершаются здесь безусловным и вполне очевидным успехом. Петербургская культура утверждает себя в качестве одного из высших проявлений культуры общемировой.

РОССИЙСКОЕ ВИДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ

Целостное понимание культуры Д. С. Лихачевым дает не меньше материала для размышлений исследователям, нежели исторический аспект его взглядов. Следует отметить, что академик развивает именно российскую культурологию, отличающуюся, допустим, от американской,

более широким, объемным видением культуры и акцентированным вниманием к проблемам человеческой личности, гуманизма, борьбы Добра со Злом.

По Лихачеву, ни одно явление не может быть рассмотрено само по себе, в отрыве от культуры, в рамках которой оно существует. При всей кажущейся простоте такой подход приносит ученому поразительные плоды. К примеру, до Лихачева вымысел и художественность значительно снижали в глазах специалистов ценность литературных произведений как исторических фактов, исторических памятников. Для него же вымысел и художественность сами по себе предстают историческими фактами: «Нет плохих исторических источников, есть только плохие источниковеды». Полемизируя по поводу «Слова о полку Игореве», он писал: «Если “Слово” — вранье, то и это, как ни парадоксально, представляет собой источник чрезвычайного значения. Вранье — свидетельство психологии своего времени (ибо в каждом обмане есть своя тенденция)». Разумеется, Дмитрий Сергеевич не сомневался в подлинности «Слова». Дело в другом: даже фальсификации или ошибочные представления авторов древних рукописей могут принести умелому исследователю важнейший материал.

Отсюда же — стремление ученого утвердить в научных исследованиях право на реконструкцию — как бы «домысливание» утраченных фактов. На первый взгляд новое знание прорастает здесь из интуиции, на самом же деле — из целостного, системного видения культуры. Утраченные реалии могут восстанавливаться в общей историко-культурной картине примерно так же, как астрономами обнаруживаются невидимые небесные тела по поведению окружающих их видимых объектов.

Объемное видение культуры позволило Дмитрию Сергеевичу совершить подлинный прорыв в искусствоведении, выстроить как бы «параллельные ряды» развития и взаимовлияния литературы, архитектуры, живописи, музыки и т. д. Кроме того, Д. С. Лихачев необычайно много сделал и для постижения исторических закономерностей развития культуры. Он показывает, что развитие культуры далеко не всегда происходит «поступательно» или «по спирали». Нередко старая культура как бы «прорастает» в новую изнутри, из толщи веков.

В отличие от природы, где в результате естественного отбора первенствует более сильный и жестокий, в культуре постепенно побеждает гуманное начало. Человечность торжествует над дикостью. И эта часть лихачевского наследия также открывает удивительный простор для дальнейших гуманитарных исследований.

Есть еще два раздела культурологической теории академика, нуждающихся в серьезнейшем осмыслении: концептосфера русского языка и экология культуры. Концепт, своего рода понятие о явлении, возникает не из словарного значения слова, а из соприкосновения этого значения

с личным опытом человека. Между словом и явлениями культуры возникает совершенно особенная система взаимоотношений. Исследуя ее, Дмитрий Сергеевич очень близко подходит к объяснению особой роли языка в русской культуре. Язык выступает как бы концентратором культуры, придает ей особое объединяющее начало и системный характер. Показательно его замечание, навеянное мыслью Гейне о том, что в Италии музыка создала нацию: «В России же нацию создала литература», — говорит Д. С. Лихачев.

Взаимосвязь явлений культуры побуждает академика отстаивать тезис о необходимости ее защиты как некоего целого, так он приходит к одной из важнейших своих тем — экологии культуры. Культурная среда не менее важна для человечества, чем среда природная. И защищать ее — всеобщая обязанность человечества. Отсюда — один шаг до создания «Декларации прав культуры».

При таком понимании хода исторического развития оригинальность русского менталитета может быть представлена в существенной своей части как высшая форма развития европейского духовного начала. «Россия — несомненная Европа по религии и культуре. В культуре ее не найти резких различий между Петербургом и Владивостоком», — писал ученый.

По Лихачеву, наша сила — в нашей культуре. «Россия — великая страна. Великая не своими территориями, не военной славой, даже не промышленностью и сырьевыми запасами, а прежде всего своей тысячелетней культурой, давшей миру бессмертные произведения литературы, архитектуры, музыки, изобразительного искусства. Эта “великость” России не может вызывать враждебности к ней. Напротив: великая культура примирительна по своей сути», — говорил Дмитрий Сергеевич в ходе наших университетских дискуссий.

Внимательное знакомство с его деятельностью по-иному открывает многомерность сегодняшней ситуации. Знаменитый спор «западников» и «славянофилов» сводился к ответу на вопрос: какое направление должна избрать наша страна в своем грядущем развитии?

В плане культуры лихачевский ответ очевиден: европейское. А вот в плане политики он может быть совсем иным.

В биографии Дмитрия Сергеевича есть такая удивительная страница, как написание предисловия к книге «евразийца» Льва Гумилева. Как отмечал академик, он помог Гумилеву не потому, что был во всем с ним согласен, а для того, «чтобы его печатали». По сути, расхождения между Лихачевым и Гумилевым заключались в том, что Лихачев смотрел на Россию с точки зрения закономерностей культурного развития, а Гумилев — с позиций этногенеза (закономерностей развития этноса).

Интересно: что же признанный ученый помог опубликовать непризнанному?

По мнению Гумилева, подлинной проблемой для России были и остаются не контакты с Западом сами по себе, а то, в каком состоянии развития Россия на эти контакты выходит. В момент, когда стараниями М. С. Горбачева концепция «общечеловеческих ценностей» приобрела в СССР идеологический статус «священной коровы», Гумилев заявил, что «все разговоры о приоритете общечеловеческих ценностей наивны, но не безобидны». Поскольку человечество пока не превратилось в единый этнос, России, по сути дела, предлагается отказаться от собственных ценностей в пользу чужих.

По Гумилеву, примером поведения для нас здесь является гений Александра Невского, который уберег зарождающуюся Россию в ранней фазе ее становления. Великий князь оказался перед трагическим выбором: с кем быть — с Ордой против Запада или наоборот? И принял верное решение. Сказать, что у Александра Невского были основания любить Орду, никак нельзя, если вспомнить хотя бы, что именно там ханша Туркина отравила его отца. Но Запад — Тевтонский орден — для русских представлял еще большую опасность. Монголы были вполне веротерпимы — толерантны, а рыцари ордена — нет.

Эти рыцари Четвертого крестового похода разграбили христианский Константинополь в 1204 году, оправдывая содеянное тем, что «православные — такие еретики, что от них самого Бога тошнит». Кстати, в 2004 году, через 800 лет после этих событий, представитель Папы Римского извинялся за случившееся перед Константинопольским патриархом. Это внушает оптимизм. Наверное, еще через 800 лет сербы дождутся извинений за недавние бомбардировки Белграда авиацией НАТО и за разрушение своих древних храмов.

Современный Запад в отношениях с Россией проявляет свою истинную суть не через разговоры о демократии и строительство «общеевропейского дома», а через конструируемую железной рукой политику двойных стандартов.

Разумеется, общечеловеческие ценности существуют. Но пока не как некий идеал, содержащийся в пластах мирового историко-культурного развития. Пытаясь их принять в качестве практической основы своей политики, Россия потерпела неудачу: те страны, к содружеству с которыми мы стремились, как оказалось, на деле эти ценности вовсе не исповедуют. Нам могут предоставить возможность интегрироваться в Европу только как рынку сырья и дешевой рабочей силы.

Но Запад не обладает достаточной привлекательностью для присоединения к нему на подобных условиях. И в первую очередь потому, что Россия как минимум не меньше Европы. Речь здесь вовсе не о территории, а о культуре, об исторической миссии. Лихачев считал культуру тем «внутренним стержнем», который создает структуру нашего общества, направляет в значительной мере ход истории: «Миссия России

определяется тем, что в ее составе объединилось до трехсот народов — больших, великих и малочисленных, требовавших защиты. Культура России сложилась в условиях многонациональности. Россия служила гигантским мостом между народами. Мостом прежде всего культурным». Таким образом, культурная открытость и связь со всем миром не отменяют политических мер по защите собственных интересов. Вот почему для выполнения своей миссии нам нужна сильная, суверенная Россия.

ВЗРАЩЕНИЕ ГУМАНИСТИЧЕСКОГО НАЧАЛА

Представляется, что в целом внимание академика к теории и истории культуры было проявлением его интереса к возвращению гуманистического начала, проблеме Человека. В связи с этим понятно и его особое внимание к образованию как институту культурной преемственности поколений. Ведь образование — это и есть возвращение, обучение и воспитание Человека.

Деятельность Дмитрия Сергеевича в данном направлении продолжает лучшие традиции российской гуманитарной мысли, заложенные М. В. Ломоносовым, В. Н. Татищевым, Н. М. Карамзиным и др. В 1827 году А. С. Пушкин составил по просьбе императора Николая I записку «О народном воспитании». Л. Н. Толстой не только глубоко интересовался педагогикой, но и создал в своем имении школу для крестьянских детей. Немало внимания проблемам воспитания посвятили врач Н. И. Пирогов, химик Д. И. Менделеев, историк В. И. Ключевский и многие другие. Для Лихачева же внимание к образованию было, как представляется, связано с предметом научных исследований наиболее органично. Педагогическое наследие академика Д. С. Лихачева ждет своих исследователей.

В заключение следует отметить, что личность самого Дмитрия Сергеевича явилась ярчайшим взлетом российской культуры, стала одним из символов ее величия.